

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.38>

Прокопьева Прасковья Егоровна

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛЕСНЫХ ЮАГИРОВ В ЯЗЫКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Статья посвящена теме этнической самоидентификации лесных юагиров в языке и фольклоре, которая тесно связана с вопросами происхождения народа, его истории, жизнедеятельности, традиционного мировоззрения. Показано, что этнонимы лесных юагиров заключают понятия ?человек?, ?люди?, ?народ?, ?род?, отражают принадлежность групп по территориальному признаку, кровному родству, тотемным предкам, единству законов и традиций. В фольклоре лесных юагиров этническая самоидентификация выявляется в контексте времени предков, формул о былой многочисленности, отнесенности к легендарным вождям и старейшинам, определенной родовой группе, понимания человека как биологического индивидуума.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/12/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 188-192. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 811.554

Дата поступления рукописи: 27.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.38>

Статья посвящена теме этнической самоидентификации лесных юкагиров в языке и фольклоре, которая тесно связана с вопросами происхождения народа, его истории, жизнедеятельности, традиционного мировоззрения. Показано, что этнонимы лесных юкагиров включают понятия 'человек', 'люди', 'народ', 'род', отражают принадлежность групп по территориальному признаку, кровному родству, тотемным предкам, единству законов и традиций. В фольклоре лесных юкагиров этническая самоидентификация выявляется в контексте времени предков, формул о былой многочисленности, отнесенности к легендарным вождям и старейшинам, определенной родовой группе, понимания человека как биологического индивидуума.

Ключевые слова и фразы: лесные юкагиры; юкагирский язык; юкагирский фольклор; этническая самоидентификация; этноним.

Прокопьева Прасковья Егоровна, к. пед. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

pproe@yandex.ru

ЭТНИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ В ЯЗЫКЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

Тема этнической самоидентификации в языке и фольклоре **актуальна** в связи с такими вопросами, как история и происхождение этноса, народная память о прошлом, предках, легендарных сородичах, особенности традиционного мировоззрения, специфика социальной организации и жизнедеятельности народа, происхождение этнонимов и номинаций человека и его родовой общины. Настоящая статья ставит своей **целью** описание терминов, способов и видов этнической самоидентификации лесных юкагиров посредством анализа языковых и фольклорных материалов. Поставлены следующие основные **задачи**: выявить лексику, характеризующую этническую самоидентификацию лесных юкагиров, рассмотреть этнонимы и по возможности проанализировать их этимологию, определить способы этнической самоидентификации в фольклоре, произвести классификацию исследуемого материала. **Научная новизна** статьи состоит в систематизации данных по этнической самоидентификации лесных юкагиров, в уточнении и дополнении значений отдельных лексем в контексте темы исследования. Полученные результаты представляют интерес для языковедов, этнологов и фольклористов, разрабатывающих проблемы этнонимии, истории юкагиров, человека в фольклоре.

Юкагиры относятся к коренным малочисленным народам Севера. Лесные юкагиры составляют этнолингвистическую группу, локализирующуюся на Верхней Колыме. Местом компактного проживания лесных юкагиров является с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия).

Юкагирский язык, один из слабоизученных, относят как генетически изолированный к группе палеоазиатских языков. Однако отдельные лингвистические исследования показывают, что «многие его грамматические и отчасти лексические элементы являются общими с финно-угорскими и самодийскими языками» [5, с. 9].

Язык лесных юкагиров традиционно принято называть колымским диалектом юкагирского языка, который существует наряду с тундренным диалектом, языком тундровых юкагиров Нижней Колымы, но разница между ними настолько значительна, что лингвисты склонны признавать их самостоятельными близкородственными языками [4, с. 39].

Слово *юкагир* тунгусского происхождения. Эндонимом лесных юкагиров – *одул*. Исследователь юкагирской культуры к. XIX – нач. XX в. В. И. Иохельсон писал, что слово *одул*, образованное от глагольной основы *ат* 'быть сильным', означает 'сильный, могучий'. Происхождение названия юкагиры объясняли тем, что их предки считались лучшими воинами в Северо-Восточной Сибири [3, с. 47]. В современном языке лесных юкагиров, действительно, сохранилось связанное с указанным корнем слово *ади* '1. Крепкий, прочный; 2. Крепко, прочно' [8; 11]. Юкагирский ученый-лингвист Г. Н. Курилов, исследовав этимологию самоназвания тундровых, нижнеколымских юкагиров *вадул* на основе структурно-морфологического, словообразовательного и семантического анализа, фактически подтвердил слова В. И. Иохельсона: «... этноним *вадул*, как и *одул* у лесных юкагиров, можно интерпретировать как 'некто, характеризующийся крепостью тела и духа' или 'некто, характеризующийся твердостью намерения сделать, выполнять что-либо хорошо, старательно'» [6, с. 105].

Верхнеколымские юкагиры считаются потомками некогда существовавшего племени *когимэ*, нижнеколымские – племени *алайи*. В начале XVII в. от русских первопроходцев были известны и другие юкагироязычные группы, проживавшие от низовий Лены до Анадыря: омоки, ононди, чуванцы, шоромбои, анаулы, ходынцы, олюбенцы и др. – общая численность которых составляла около 4500-5000 человек [16, с. 13]. По мнению Г. Н. Курилова, эти группы, записанные как «роды», являлись остатками самостоятельных племен с общим самоназванием *одул* (*вадул*), которое сопоставимо с этнонимом «славяне», и в прошлом существовала целая семья одульских языков [4, с. 22-24].

Одними из распространённых древнейших эндонимов мира являются те, что включают в себе слова «человек», «люди», использование которых в самоназваниях связано с выделением себя из окружающего мира. Например, 'человек' означают этнонимы *ханты*, *манси*, *ненэч* (ненцы), как 'настоящие люди' переводятся

самоназвания чукчей – *дуораветлан* и эскимосов – *юит, юик*. В отдельных вышеназванных этнонимах, номинирующих юкагироязычные племена, также просматриваются подобные слова. Так, в слове «шоромбои» присутствует корень *шоромо*, который у лесных юкагиров имеет значение ‘человек’, в названии «омоки» есть формант *омо*, означающий в языке как лесных, так и тундровых юкагиров ‘народ, племя; род’ [2, с. 136; 7, с. 338; 8, с. 54]. Очевидно, однокоренное с *омо* многозначное слово из языка лесных юкагиров *омнии* ‘1. Люди. 2. Семья. 3. Сосед, соседи’: *Тудаа, чуольэд омнии параагэ иркин пулутэк лэльэлул өрдьоол лэбиэгэ. / Раньше, во времена древних людей, жил один старик на Средней земле* [14, ч. 2, с. 22]; *Иркин йалбил пуйлэ ангильгэ унунгэ эйуунубэдэгэ, таа модольэлги иркин будьэн омнии, йаан машльуоньэльэнги, иркин адуоньэльэнги. / Где озерная протока в реку впадает, там жила одна семья выдр, троих дочерей имели, одного сына* [11, с. 279]; *Иркидэз ньаадэмэ паайпэуогэлэ эмэйги йадум омнингин, мони: «Чолбор хаар кэсьшик». / Однажды осенью девочку мать отправила к соседям, сказала: «Заячью шкуру принеси»* [Там же, с. 272].

Помимо слов *шоромо* ‘человек’ и *омо/омнии* ‘народ; род; люди’, в некоторых юкагирских этнонимах четко вычленяется и формант *-дьи*, обозначающий ‘люди’: ононди, чуванджи, яндинджи и др. (названия юкагирских групп [4, с. 22, 24; 5, с. 5]). В. И. Иохельсон отмечал, что у лесных юкагиров посредством этого суффикса образуются территориальные названия родов: *Чахадэндьии* ‘люди с реки Чахадэн (юкагирское название р. Ясачной)’, *Хорходондьии* ‘люди с реки Коркодон’ [2, с. 136; 3, с. 49, 174]. Как свидетельствуют языковые и фольклорные материалы, этот формант присоединяется не только к потапонимам, но и к другим словам, указывающим на местоположение: к примеру, верхний ярус подземного мира, который, согласно мировоззрению юкагиров, состоял из двух ярусов, называли *айбидьи-лэбиэ* [3, с. 222] < *айбии* ‘душа; тень’, *-дьи* ‘люди’, *лэбиэ* ‘земля’, то есть ‘мир душ, теней мертвых людей’¹; слово *лэлэдьи* < *лэлэ* ~ ‘низ, внизу’, *-дьи* ‘люди’ переводится как ‘люди, которые живут вниз по реке’ [10]; *чорходьишэ* ‘горные люди’ < *чорхо* ‘возвышенность, бугор’, *-дьи* ‘люди’ [11, с. 265]. Однако, как следует из дошедших до нас этнонимов, ранее суффикс использовался и в обозначении племенных групп, в этой связи интересно было бы выяснить, называют ли в номинациях племен места их локализации предшествующие *-дьи* слова. Наличие конкретного значения у форманта *-дьи* доказывает, что прежде аффикс являлся самостоятельной лексемой, а слова, в которых он функционирует, представляли собой сложные слова. Важно обратить внимание на то, что как самостоятельная лексическая единица слово сохранилось в языке тундровых юкагиров: слово *чии* обозначает ‘1) люди; 2) родители’ [7, с. 549], в сложных словах лексема имеет вариант *-дьи*: *чуольэдьи* «древние люди» [Там же, с. 569]. В связи с вышесказанным отметим тот факт, что у хантов крупные территориальные группы тоже обычно именовались по названиям рек, которые, в свою очередь, распались на более мелкие группы, отождествляющиеся «с названиями притоков, озер, других топонимических объектов, близ которых проживает население», названия групп также содержат слово *эх* ‘народ (люди)’ [12, с. 156-157].

В прошлом у лесных юкагиров роды номинировались и посредством тотемистических терминов. Так, известно, что существовали роды, носившие названия животных: в верховьях Колымы на р. Ясачная проживал Заячий, или Ушканский, род, называемый по-юкагирски *Чолбород-омок* ‘Заячий род’ < *чолборо* ‘заяц’, *омо* ‘народ; род’, на р. Коркодон – *Анид-омок* ‘Рыбий род’ < *анил* ‘рыба’, *омо* ‘народ; род’, в колымских низовьях на р. Алазе – *Эрбэткэн-омок* ‘Гусиный род’ < *эрбэч* ‘гусь’², *омо* ‘народ; род’. Примечательно, что именно в Заячьем роде В. И. Иохельсон записал сказки о Зайце, человеческом сыне, где герой предстает необычайно умным, хитрым и ловким животным. В фольклорном образе Зайца обнаруживаются рудиментарные характеристики не только тотемного предка, но и культурного героя-трикстера, что часто сопутствует образу перво-предка в фольклоре [9, с. 56-71]. Как видим из наименований родов, включающих названия животных, вторым компонентом в них выступает *омо* ‘народ; род’ (-к здесь суффикс именительного определенного падежа, выделяющий и конкретизирующий слово), которое характеризует кровное родство группы. Нужно сказать, что термин *омо* употреблялся в отношении не только своих, юкагирских, родовых сообществ, но и других народов. Так, В. И. Иохельсон писал, что словом *йахад-омок* юкагиры называли якутский народ [3, с. 174].

К другим терминам, обозначающим род, помимо *омо*, относились слова *кудэйэ* ‘поколение; прародитель; предок; потомок; потомство’ и *мишбэ* ‘манера; обычай; закон’. По В. И. Иохельсону, например, Заячий род называли, кроме *Чолбород-омок* ‘Заячий род’, также *Чолборо-кудэйэ* ‘Заячье поколение’ и *Чолборо-мишбэ* ‘Заячий обычай’. Термин *кудэйэ* указывал на кровнородственную группу, *мишбэ* – не столько на кровное родство, сколько на единство обычаев внутри рода [Там же]. С учетом того, что семьи Заячьего рода были известны также как *Чахадэндьии* ‘люди с реки Ясачной’, то есть по территориальному признаку, термин *мишбэ* действительно мог свидетельствовать о том, что членов группы объединяли не только кровная связь, но и общность традиций. Современные материалы, собранные у носителей языка лесных юкагиров, углубляют понимание этого полисемантического слова. Так, помимо смысла ‘обычай, традиция’, слово и производные от него лексемы включают семантему ‘истоки’, подразумевающую ‘основа; начало чего-л.; корни, происхождение; предки, также то, что с ними связано’: *Мит промышленайнуйли мит лэбиэн мишбэгэ, Шаманихагэ. / Мы охотимся на своих родовых местах, на Шаманихе* [15, с. 74]; *Йуөгидэгэ, эсьиэпэги лэйтэйльэдум – эрчэ мархильэк, ингэрэн гудуйдьюодэк, алмэн мишбэлэл. / Когда увидели [ее], отец [парня] понял – это нехорошая девушка, преобразенная,*

¹ В. И. Иохельсон сообщал, что в верованиях тундровых юкагиров одна из трех душ человека, называемая *нуңниң*, после смерти отправляется в Царство Теней – *Нуңниды* [3, с. 231]. В составе этого слова также имеется часть *-дьи* ‘люди’.

² В. И. Иохельсон отмечал, что слово *эрбэткэн* в названии Эрбетского (Гусино) рода ламутское по происхождению [2, с. 136].

шаманского рода [11, с. 279]; *Тин шоромо хадуонгэт миибэнь? / Этот человек откуда родом?; Мэт Хорходондыиэгэт миибэндэ. / Я от Коркодонских людей происхожу*¹ [10]. В значении слова проявляются также семы 'самый низ чего-л.', 'самый конец чего-н.': *Тин шаал миибэдэгэн чинэк! / Это дерево под корень срубил!; Миибэдэгэн шидэк! / По низу пришей!; Чугэн миибэдэгэн йахайэ. / До конца дороги добрался* [Там же].

Подытоживая сказанное, термины этнической самоидентификации юкагиров по материалам языка можно представить в Таблице 1.

Таблица 1. Термины этнической самоидентификации юкагиров (по данным языка)

Виды идентификации	Термин
общее самоназвание	оудул 'сильный, могучий'
племенные названия	когимэ, омоки, ононди, чуванцы, шоромбои, ходынцы и др.
этнонимы с компонентом 'человек', 'люди', 'народ, племя; род'	1) шоромбои < шоромо 'человек'; 2) омоки < омо/омнии 'народ, племя; род; люди'; 3) чуванджи, яндинджи < -дьии 'люди'; 4) родовые названия лесных юкагиров с компонентом омо 'народ, племя; род' (Анид-омок 'Рыбий род')
названия лесных юкагиров по территориальному признаку	-дьии 'люди': – по названиям рек (Чахадэндьии 'люди с р. Ясачной'); – по другим местам проживания (лэллэдьии 'люди, живущие вниз по реке')
названия лесных юкагиров по кровному родству	кудэйэ 'поколение; прародитель; предок; потомок; потомство' (Чолборо-кудэйэ 'Заячье поколение')
названия лесных юкагиров по тотемным предкам	Чолбород-омок 'Заячий род', Анид-омок 'Рыбий род'
названия лесных юкагиров по общности традиций	миибэ 'манера; обычай; закон' (Чолборо-миибэ 'Заячий обычай')

В фольклоре лесных юкагиров этническая самоидентификация находит и другие разнообразные выражения.

Лексема *омнии* 'люди', как было сказано, по всей вероятности, однокоренная с *омо* 'народ; род; люди' – компонентом этнонима *омок*, входит в устойчивые зачины несказочных повествований, где со временем древних людей, предков юкагиров, соотносится мифологическое и давнее историческое время: *чуольэд омниигэ* 'у древних людей', *чуольэд омнии параагэ* 'во времена древних людей'. Формула, отсылающая рассказываемое к реальному, с точки зрения носителей фольклора, времени древних юкагиров, служит подтверждением достоверности и подлинности рассказываемого.

Время части несказочных повествований, а значит и бытие юкагиров, коррелирует также с давним периодом, характеризующимся многочисленностью народа. «Наши древние люди многочисленные были» [2, с. 128]; «Юкагиров было весьма много» [Там же, с. 123]. Указание на многочисленность предков, очевидно, не случайно является распространенной образностью в фольклоре, содержа в своей основе память о далекой истории юкагиров. В рукописи колымского старожилы Н. Н. Березкина «Юкагиры» 1939 г., хранящейся в архиве МАЭ РАН² [1], содержатся рассказы юкагиров о прошлом, где часто подчеркивается их большая численность. «В старину... людей было много. Их было так много, как лес Омолона» [Там же, № 6, с. 3]; «Наши старики, сравнивая теперешнюю малочисленность с бывлым многолюдством юкагирского народа, говорили: "Мы капля бывшего моря"» [Там же, с. 26].

В рассказах о родовом прошлом юкагиры идентифицируют себя и с легендарными предками – предводителями и старейшинами. «Страшное и славное имя Чальчикана до сих пор живет среди нас» [Там же, с. 4]. «Особенно замечательны были старейшины юкагиры Востра и Щерба. По их именам теперь мы носим фамилии Востряков и Щербаков. Они были люди умные, сильные и смелые» [Там же, с. 22].

В исторических преданиях, отображающих межродовые отношения, фигурируют названия верхнеколымских юкагирских родов по территориальному признаку – *Хорходондыи* 'Люди с р. Коркодон', *Ньатбэндьии* 'Люди с р. Поповой' [2, с. 133], образованные посредством указанного выше форманта -дьии 'люди'.

В фольклоре в качестве понятия 'одноплеменники, сородичи' встречаются образные слова, образованные на основе метонимического переноса: *уорпэд-амун* 'кости детей ~ детские кости' (в смысле 'сородичи, те, за кого несет ответственность вождь') < *уорпэ* 'дети', -д- соединительный согласный, *амун* 'кость, кости'; *мидочэпул* 'твои люди' < *мидочэ* 'кочевье' + -лул аффикс множественного числа существительных [Там же, с. 160].

Говоря об этнической самоидентификации в фольклоре, можно условно выделить определения человека, отграничивающие его от животного мира, определяющие его как отдельный биологический вид. Так, Лиса говорит Медведю: «Дедушка, ты Зарубки на шее боишься?» [14, ч. 1, с. 61]. Идентичное выражение о человеке из мифологии лесных юкагиров – «с обрубленной шеей» [Там же, с. 142], которое характеризует его как обладателя тонкой в сравнении со зверями шее [13, с. 483]. Можно провести аналогии между данным определением

¹ Фразовые примеры, взятые из отчета П. Е. Прокопьевой [10], переведены на русский язык информантами, от которых они записаны.

² Благодарим МАЭ РАН за предоставление к.и.н. А. А. Немировскому (Институт всеобщей истории РАН) возможности ознакомиться с приведенными нами местами рукописи и лично А. А. Немировского за содействие.

человека у юкагиров и мифологической формулой по отношению к человеку у хантов *пукнал этум ханты хо* 'с обрезанным пупом хантыйский мужчина (человек)', которая «отделяет собственно человека от мира окружающей его природы (в частности от духов, у которых, в отличие от человека, нет пупа)» [12, с. 158].

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что в традиционном мировоззрении юкагиров человек не противопоставляет себя природе, признавая себя его частью. В мифологии и фольклоре человек может коммуницировать с животными, оборачиваться в них, вступать в брак с ними и т.д. Тем не менее разница между человеком и животным миром в устном народном творчестве проступает, так, по этой причине в одной из мифологических сказок птицы называют человека «старшие братья»: «Тогда Кукша заклала: “Если старшие братья придут, пусть твоя длинная шея видна будет, хотя ты будешь прятаться”» [14, ч. 1, с. 31].

В целом этническая самоидентификация лесных юкагиров в фольклоре выражается следующими способами (Таблица 2).

Таблица 2. Способы этнической самоидентификации лесных юкагиров в фольклоре

Способы самоидентификации	Примеры
родовая принадлежность по территориальному признаку	<i>Хорходондьи</i> 'Люди с р. Коркодон' <i>Ньатбэндьи</i> 'Люди с р. Поповой'
время предков	<i>чуольэд омнигэ</i> 'у древних людей' <i>чуольэд омниц параагэ</i> 'во времена древних людей'
многочисленность	«Люди на Колыме жили, много людей...»; «Наши древние люди многочисленные были»; «...конца их не видно, так плоты их многочисленны»
антропоморфные предки – исторические личности	Чальчикан и др.
образные выражения для рода	<i>уорпэд-амун</i> 'кости детей'; <i>мидочэтул</i> 'твои люди'
понимание человека как биологического вида	«Зарубки на шее» «старшие братья»

Таким образом, в самоназваниях лесных юкагиров репрезентирована ценная информация, отражающая их духовные и практические знания, образность языка, ценностные ориентиры. Этнонимы лесных юкагиров, как и многих народов мира, включают универсальные понятия 'человек', 'люди', 'народ', 'род'. Названия юкагирских групп указывают на объединение их членов по причине не только родственных связей, но и локализации и общности традиций. В фольклоре лесных юкагиров этническая самоидентификация проявляется в выделении себя в древнем времени, связанном с памятью о предках, отнесенности к историческим личностям – вождям и старейшинам, корреляции с многочисленностью, так же определяющей прежнее бытие народа, с пониманием человека как биологического вида, отличного от внешнего мира.

Список источников

1. Березкин Н. Н. Юкагиры: рукопись. 1939 // Архив Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук. Ф. К-V. Оп. 1.
2. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
3. Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
4. Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка: развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
5. Курилов Г. Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. Якутск: Офсет, 2006. 280 с.
6. Курилов Г. Н. Этимологическое значение юкагирских этнонимов *вадул* и *алайи* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52). Ч. 1. С. 104-106.
7. Курилов Г. Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
8. Николаева И. А., Шалугин В. Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. СПб.: Дрофа, 2002. 224 с.
9. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
10. Прокопьева П. Е. Словарь языка лесных юкагиров: отчет о НИР (Л-Т): рукопись // Архив Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Якутск. 2009. Инв. № 244.
11. Прокопьева П. Е. Устная сказочная традиция юкагиров. Новосибирск: Наука; Издательство СО РАН, 2018. 308 с.
12. Успенская С. С. Этническая идентификация народа ханты в фольклоре и традиционных представлениях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 3 (66). С. 155-161.
13. Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М. – Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
14. Фольклор юкагиров Верхней Колымы: в 2-х ч. / сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Дёмина. Якутск: Изд. Якутского гос. университета, 1989. Ч. 1. 161 с.; Ч. 2. 89 с.
15. Юкагирско-русский разговорник / сост. П. Е. Прокопьева. Якутск: Бичик, 2011. 152 с.
16. Юкагиры: историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.

THE FOREST YUKAGHIRS' ETHNIC SELF-IDENTIFICATION IN LANGUAGE AND FOLKLORE

Prokop'eva Praskov'ya Egorovna, Ph. D. in Pedagogy
*Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk*
pproe@yandex.ru

The article considers the problem of the forest Yukaghirs' ethnic self-identification in language and folklore. This problem is closely associated with such issues as the people's origin, history, life activity, traditional worldview. It is shown that the forest Yukaghirs' ethnonyms contain the notions "human", "people", "nation", "clan", represent different types of identity: territorial, kinship, totemic, cultural ones. In the forest Yukaghirs' folklore, ethnic self-identification manifests itself in the context of the ancestors' time, through references to the bygone epoch of prosperity, legendary chieftains and elders, clans. In this context, a human is considered as a biological individual.

Key words and phrases: the forest Yukaghirs; Yukaghir language; Yukaghir folklore; ethnic self-identification; ethnonym.

УДК 81/8

Дата поступления рукописи: 14.10.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.12.39>

В статье определяются деривационные возможности глаголов поведения татарского языка на уровне словообразовательной парадигмы. В частности, устанавливается структурная специфика данной глагольной лексики, раскрываются словообразовательные значения суффиксов, образующих глаголы поведения, а также демонстрируется ряд вспомогательных и модифицирующих глаголов, принимающих активное участие в образовании составных глаголов исследуемой группы. Проведенный анализ структурно-словообразовательных возможностей глаголов поведения показывает специфику отношений между деривационно-семантическими сегментами глаголов указанной группы и в дальнейшем послужит материалом для исследования семантической связи между мотивирующим и мотивированным словами.

Ключевые слова и фразы: татарский язык; семантика; глагол; глаголы поведения; словообразование.

Салахова Рузиля Рашитовна, к. филол. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ruzilya5@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛОВ ПОВЕДЕНИЯ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Глаголы в татарском языке – самая интересная и наиболее сложная часть речи. Многие ее категории изучены достаточно глубоко, но некоторые вопросы грамматического характера остаются еще не исследованными. К таким относятся вопросы глагольного словообразования лексико-семантических групп глаголов в целом и словообразование глаголов поведения в частности. Глаголы поведения означают действие и поступки человека, получившие ту или иную социальную окраску: *икейӧзләнү* (лицемерить), *комсызлану* (жадничать), *мактану* (хвасться). Данная группа глаголов отличается от глаголов других лексико-семантических групп по специфическим особенностям: они представляют принципы поведения человека в обществе. **Актуальность** темы заключается в том, что в татарском языке не изучены структурно-словообразовательные особенности глаголов поведения, которые бы способствовали полному и всестороннему анализу лексического состава и грамматического строя татарского языка.

Как отмечают языковеды, лексико-семантические группы объединяют слова по близости лексических значений. Множество лексико-семантических групп – это показатель богатства семантической системы лексики языка. Ярким примером являются глаголы татарского языка, где широко представлены тематические группы. Основываясь на общем семантическом содержании глаголов, Ф. А. Ганиев делит их на 11 разрядов, которые имеют следующие подгруппы: глаголы движения, глаголы действия, глаголы процесса, глаголы состояния, глаголы отношения, глаголы поведения, глаголы звучания, глаголы речи, глаголы мышления, глаголы чувственного восприятия, глаголы образоподражания [3, с. 28-29].

Как было отмечено выше, объектом изучения в нашем исследовании являются глаголы поведения татарского языка. Данная группа глаголов частично нашла отражение в монографии Р. К. Иштановой [6, с. 211], где рассматриваются все лексико-семантические группы глаголов татарского языка. В данной работе значительное внимание уделяется семантическому аспекту.

Особый интерес представляют научные труды А. М. Айдаровой, где изучаются структурно-семантические особенности глаголов поведения в русском, татарском и английском языках [1, с. 82; 2].

Научная новизна заключается в том, что представляемая лексика впервые рассматривается в дериватологическом аспекте, показывая словообразовательный потенциал татарского глагола.